

Образ жизни Юлии Никитиной

В июне исполняется 30 лет как пришла работать в переславский музей Юлия Яковлевна Никитина. Историю края она к этому времени хорошо изучила, работала внештатным экскурсоводом. Но музейной работы не знала абсолютно. Вот и поставила себе задачу — изучить её досконально. Видимо, это удалось, потому что вскоре её назначают не просто научным сотрудником, а исполняющей обязанности заведующего отделом истории советского периода. Предстояла работа по созданию экспозиции с 1917 года до современности. с. 1

Ещё в 60-е годы материалы по этому отделу писал профессор из Ярославля, а Юле предстояло дополнять его новыми тематическими сведениями. В 1982 году состоялось открытие советского отдела уже с новой экспозицией.¹ с. 4

— Со мной работала Нина Михайловна Романова, — рассказывает Юлия Яковлевна. — Большое спасибо я хочу ей сказать, старались художники из Ярославля. У нас получился зал от 1917 года до Великой Отечественной войны, три маленьких зала, посвящённых войне, и зал послевоенного периода — поднятие промышленности и сельского хозяйства. И последний зал — современные предприятия. Там была представлена обширная информация о том, как создавался ГОСНИИхимфотопроект, как приезжали японцы на химический завод — всю эту информацию мне уже надо самой было искать, встречаться с руководителями, специалистами.

В те времена было проще попасть на предприятия. Юле давали в музее документ с просьбой оказывать содействие и она собирала сведения о предприятии, организации.

Например, по больнице — сколько врачей, сколько фельдшеров, медсестёр, с каким образованием — все эти сведения хранятся и сейчас в фондах музея. Записывала то, что рассказывали, делала фотографии.

Огромный материал таким образом собран и по фабрике «Красное эхо».

— Сейчас подобную работу я не могу вести, — сетует Юлия Яковлевна, — куда ни придёшь, что ни спросишь — коммерческая тайна. Ничего не хотят оставить в память о себе. Это началось в 90-е годы. Но даже в те времена мы договорились с фабрикой «Новый мир», два зала им отдали под выставки, они привезли свои экспонаты. Также выставку «Кодака» оформили, она и по сей день в музее. И вот что происходит: приходят к нам посетители из разных городов и говорят: «А что, у вас совсем нет промышленных предприятий, один „Кодак“ в городе? Чем же вы живёте, люди, милые?»

Я, зная не понаслышке увлечённость Юлии Яковлевны своей работой, видя её желание рассказывать о ней всем и всюду, спросила, сколько же она напечатала изыскательских статей в газетах. Оказалось, эта прирождённая хранительница истории, собирательница сведений о людях, их делах, профессиях, родственных связях совершенно не заботится о том, чтобы сохранить собственные деяния.

— Вот это очень печально. Меня сейчас многие об этом спрашивают... Но я, к сожалению, их не коллекционировала. Хорошо друзья взялись, сейчас делают архив ксерокопий моих газетных выступлений и говорят, что набралось их очень много.

Любимое дело музейщиков — летние экспедиции. На своём маленьком автобусе они ездили по сёлам. Например, Юля ехала в Нагорье, или в Кубринск, в семьи участников войны.

---

*Хачатурова, Т. И. Образ жизни Юлии Никитиной / Т. И. Хачатурова // *Переславские вести*. — 2008. — 12 июня. — С. 1, 4.

¹Проект выставки начинал Михаил Германович Мейерович (12.11.1921—09.01.2004), в 1953—1970 годах заместитель директора по научной работе в Ярославском краеведческом музее. В 1970—1996 годах работал на историческом факультете Ярославского государственного университета. — *Ред.*

— Встречали нас всегда очень хорошо, — рассказывает она. — Давали семейные фотографии, грамоты, рассказывали. Всё это используется и поныне. О людях, которые работали в сельском хозяйстве, собирали информацию, это тоже всё должно войти в историю. Школы посещали. Нагорьевская школа, например, передала мне материалы фельдшера Карелина — зубное зеркальце, его личную печать и несколько личных вещей. Музей — это показ. Нам надо было собирать свидетельства эпохи, письма, личные вещи. В Орловской области минёры нашли пенальчик погибшего солдата на полях, где в войну шли бои. И останки солдата. А в пенальчике адрес — село Вёськово. И я ездила туда, на Орловщину, и родственники приезжали. Я сделала потом экспозицию, посвящённую войне, вот ещё ложка тут лежит солдатская — сама лично подняла её из земли.

Как говорил Владимир Иванович Панфилов, заместитель директора по науке — самый трудный отдел — это советский. Почему? Сейчас объясним. Случилось так, что ехала специально смотреть музеи и заехала в Переславль Раиса Максимовна Горбачёв к тому времени уже несколько месяцев руководил страной. А Юлия Яковлевна до этого говорила директору музея — будут нас ругать, у нас советский период кончается Брежневым, а о Горбачёве мы ещё ничего не сделали. Раиса Максимовна пришла в летней одежде, ёжится, холодно в музее, не прогреваются помещения даже летом. И вот она посмотрела, что о Горбачёве никакой экспозиции, и говорит — а вы не в ногу со временем идёте. Где у вас Горбачёв, где у вас новое правительство?

То есть отдел о современной истории должен очень быстро отражать эту самую современность. Вчера — это уже история. Сегодня утром — это уже история.

— В советское время у нас практически не отражалась история до 17 года, я не могла показывать ничего, что касалось очень многих интересных людей Переславля, которые родились и жили до революции. А теперь я могу! — откровенно радуется Юлия Яковлевна. — И я нахожу их родственников, и они как бы оживают, вписываются в историю Переславля. Это очень радует. Я веду большую переписку с Америкой, Германией, мне присылают фотографии и жизнеописания.

Мы знали, к примеру, что в двадцатые годы у нас работал Геммельман Сергей Сергеевич в музее. Он был лишенец, сейчас мало кто знает, что это такое. А до революции он — голова города Переславля. Конечно, о нём нельзя было говорить и собирать информацию. Его скрывали. Он был женат на дочери Шаланина, владельца типографии. И вот приехали родственники Геммельмана, я их нашла, они привезли мне фотографии, я их встречала, устраивала их в гостиницу.

У нас в музее я встретила двух пожилых женщин, приветливые такие, смотрят на фотографии и говорят, вот это я знаю, этот снимок сделан в саду Альбицкого, а одна говорит — а я Альбицкая. Такие вот встречи бывают.

Приехали из Москвы Темерин и два Темериных из Америки. Москвич — тот знает, что здесь дом фабриканта Темерина, им хотелось узнать, родственники они или нет. Они заплатили деньги за исследование и оказалось — что наши Темерины им не родственники.¹

Мы же не только статьи пишем, собираем, в экспедиции ходим — мы ещё работаем в архиве. Моими материалами о Войно-Ясенецком сейчас пользуются известные учёные, я получила письмо от профессора Шевченко, он книгу писал об этом человеке и упоминал моё исследование. Я нашла коллекцию писем одной женщины, которой писал Войно-Ясенецкий, она сами письма не отдаёт, но разрешила сделать копии. Из писем я узнаю, с кем он дружил, какие жили люди здесь...²

С научной точки зрения период до революции — слабый очень у нас, тут много интересного есть ещё и неизвестного. Какая культура была здесь? Или вот например, о советской власти. Она пришла к нам без крови. Мы долго спорили с И. Б. Пуришевым. Я пришла к мнению, что советская власть в городе установилась когда все советы объединились — крестьянство, рабочие, солдаты. А это был уже конец 18 года, начало 19. Он мне говорит, Юля, будь осторожна, везде говорится, что советская власть пришла в 17 году. Но я осталась при своём мнении.³

¹Эти Темерины заплатили Переславскому музею за исследование по генеалогии, для которого научная сотрудница Мария Николаевна Ильичёва ездила во Владимирский архив и изучала документы переславских фабрик. — *Ред.*

²Речь идёт про книгу: *Шевченко, Ю. Л.* Приветствует вас Святитель Лука, врач возлюбленный / Ю. Л. Шевченко. — СПб.: Наука, 2007. — *Ред.*

³Советы объединились 17 января 1918 года. Сама Юлия Яковлевна соглашается с этим, а значит, в статье опечатка. Надо читать: конец 1917 года, начало 1918 года. — *Ред.*

Сейчас мы знаем недостаточно, но много.

Я восстанавливала списки Героев Советского Союза, ордена Александра Невского, точные даты их жизни, где получили награды, за что получили, кто их родственники.

Следующий год — юбилейный для музея. Я хочу заняться в московском архиве письмами Михаила Ивановича Смирнова, первого директора и основателя музея. Ярославская коллекция уже изучена. Ещё я езжу во Владимирскую государственную библиотеку каждый год на конференцию, именно там были опубликованы тезисы моего доклада по Войно-Ясенецкому. В этом году я делала доклад «Переславская земская медицина». Меня всегда интересуют люди. Я там рассказываю о тех, кто работал здесь в медицине, что сделал и называю врачей, которые внесли большой вклад в медицину именно переславскую.

Ещё я занимаюсь темой о Товариществе Переславской мануфактуры. Как-то я познакомилась с одной женщиной, её Зиной звать, бывшей медсестрой, она очень много помнила и много мне рассказывала. Я её спросила, слышала ли она, была слепая женщина, а ей писал Войно-Ясенецкий, врач. Она подтвердила эту информацию и вдруг стала рассказывать, что её отец родился от русской женщины и англичанина, который работал в Товариществе Переславской мануфактуры. На следующий день я прихожу на работу и мне с «Красного эха» звонят и говорят — не слышала ли я такую фамилию — Льюис. Я знаю фамилии англичан Томсон, Орель, которые работали здесь, и больше не знаю. Они говорят, к нам приехал англичанин и говорит, что его дед здесь работал. И привозят его в музей. А я только вчера у Зины была и мы про англичан говорили. Мне все говорят — Юля, как это с тобой происходит? Только начинаешь кем-то интересоваться, информация на тебя прямо сваливается.

Этот англичанин так обрадовался, когда я ему рассказала Зинину историю, говорит, может быть это моя родственница. А она фамилию деда не знает... И я давай копать, он мне помогал много, нашёл письма своих родственников в Австралии, адреса дал. Я, конечно, писала письма. Часть у меня уже переведена с английского. Выяснила, когда началась революция, англичане жён своих отправили, а сами ещё здесь оставались. Несколько детей у англичан родилось здесь, в Переславле. Мне интересно было — они принадлежали к англиканской церкви, как они здесь детей крестили. Я писала письма в Москву. Но ответа нет.

В конечном счёте эти люди не оказались родственниками. Но благодаря этим встречам мы столько узнали!

Льюис мне присылал фотографии — его дед идёт с его матерью — на заднем плане Владимирский собор, сад. А в фондах у нас есть фотография — мы не знали, кто на ней изображён рядом со станком — такой бравый, с усами мужчина — оказалось, что это и есть его дедушка! И это так интересно! Этот Льюис потом ещё приезжал с дочкой. У них здесь было очень много земли, они же миллионерами были. И только пять процентов Горбачёв им компенсировал, это мне Льюис написал.

Они жили в здании рядом с фабрикой Красное эхо, с одной стороны Орели жили, с другой Льюисы, там сейчас жилые дома. Меня всегда волновал вопрос, я и в архив писала — почему именно в Переславль они приехали. Мы знаем, что в Англии высоко развито ткачество. И там в газетах печатали объявление — набираются люди в Россию, и они поехали. Переславль провинциальный город — но в Переславле шли спектакли, смотрю английские фамилии. Началась мировая война, собирают деньги на лазарет — тоже подписи англичан. Они вели здесь активную общественную жизнь. Футбол! Я и начала от футбола эту тему разрабатывать — всё взрослое население играло в футбол. Англичане стали организовывать первые футбольные команды. Я поняла это по фотографиям. Фулерт был руководителем футбольной команды. А на вышивальной фабрике занимались катанием на коньках. Я тут недавно прочитала в каких-то документах прошение в Думу — разрешите расчистить на реке лёд для катка. Материала много, мне теперь всё это надо тщательнее исследовать и объединить.

Сейчас ещё я переписываюсь с Угрюмовыми — они-то и основали фабрику ткацкую, на которой потом создавалось Товарищество Переславской мануфактуры. И радость вызывает то, что молодое поколение помнит, собирает историю своего рода.

Слушала я Юлию Яковлевну и радовалась её активности, жизнелюбию, тому, что в её жизни работа и увлечения совпали таким образом, что неотделимы друг от друга. И главное — польза от её деятельности такая ощутимая и связана она не только с музейной работой. Совсем недавно она обратилась со страниц газеты с просьбой к тем, кто вспомнит молоденькую девочку, которую из ленинградского детского дома в войну привезли в Переславль и она работала на фабрике «Красное эхо». Впоследствии документы пропали и годы войны не вошли

в её трудовой стаж. Сейчас у неё очень маленькая пенсия. Заметку Ю. Никитиной прочитали переславцы, нашлись те, кто откликнулся, узнал Марию. И на фабрике документы, скорее всего, найдутся. Юля искренне радуется — женщине под старость лет прибавят пенсию. А дочь Марии Владимировны пишет — это только у вас в музее такие люди есть.

Долгое время Юля переписывалась с кавалером ордена Александра Невского Галеевым Александром Фёдоровичем, первым из переславцев получившим этот почётный знак. Он был уже довольно пожилым, жил в Москве. И однажды при встрече сказал: «Юля, я отдам в музей свой орден, а ты похорони меня на Переславской земле». И когда настал этот скорбный час, ветерана похоронили в Переславле со всеми воинскими почестями. И хлопотала об этом Юлия Яковлевна Никитина, и сдержала данное слово.